

Т. Н. Горина

Л. Д. БЛОК В ПЕТЕРБУРГЕ

Призрачно-величественный город у моря — Петербург строился быстро и на века, «назло надменному соседу». В этом была его сила и слабость. Основатель города Петр Великий задал ему жесткий планировочный каркас, классические каноны еще более усилили его «строгий, стройный вид», но миражи белых ночей, невские наводнения размыли петровские чертежи. Столичный эталонный Петрополь внезапно представлял inferнальным городом, где, как замечал Н. Гоголь, «все ложь и обман».

Петербург — мера успеха и поражений. Оставаясь самим собой, Петербург был открыт миру. Конечно, немало надежд и судеб разбилось о гранитные невские берега. Но в молодой столице империи рождалась новая каста людей — русских европейцев, умевших в предлагаемых петербургских обстоятельствах соединить самые противоположные начала.

Двойственность изначально свойственна «петербургской модели», как и жителям Петербурга. Героиня этого очерка — Любовь Дмитриевна — женщина Серебряного века, историк балета 1930-х годов гордо пронесла по жизни две фамилии — Менделеева и Блок (см. рис.).

От отца, ратника русской науки, гениального систематика Д. И. Менделеева, дочь унаследовала своеобразный рационализм, академические правила, столь пригодились ей в написании капитального труда — «Возникновение и развитие техники классического танца (опыт систематизации)». Став женой самого петербургского поэта рубежа веков, блоковской Прекрасной дамой, его музой, она оставалась в этом браке, несмотря на все перипетии в их отношениях.

Двойственность преследовала Любовь уже с момента появления ее на свет в Петербурге в 1881 году [1, с. 216]. Люба была незаконнорожденной. Только после венчания ее родителей девочку, наконец, окрестили в Адмиралтейской церкви [1, с. 512]. Неверная дата ее рождения (1882) выбита и на мраморном надгробии [2, с. 332].

Рис. Л. Д. Менделеева-Блок.

Детство старшей дочери счастливо протекало в казенной профессорской квартире отца при Петербургском университете (ныне Музей-квартира Д. И. Менделеева). Во дворе бывших Петровских коллегий гулял с няней и внук ректора А. Бекетова — Саша Блок. С Любой их «поженили» еще до рождения. «Ваш принц что делает? А наша принцесса пошла гулять», — сообщал Д. Менделеев бабушке А. Блока [3, с. 50].

Саша Блок приходил и в другую служебную квартиру Менделеевых на Забалканской (ныне Московском пр., 19) при Палате мер и весов. «Здесь он декламировал стихи, а Любовь слушала, сидя на диване в свете низкой лампы, — крупная, статная, в черной суконной юбке и светлой шелковой блузке, золотистые волосы — ореолом вокруг лица. В воздухе терпкий аромат духов «Сердце Жанетт» [4, с. 209].

Закончив с серебряной медалью частную женскую гимназию Эмилии Шаффе (В. О., 5 линия, д. 16), Л. Менделеева поступила на Высшие женские (Бестужеские) курсы, что фактически приравнялось к университетскому образованию. Ее соученица по словесно-историческому отделению, будущая этуаль Александринки Е. А. Тиме вспоминала о Менделеевой-курсистке: «В аудитории сидела румяная блондинка с пышными волосами и чудесным цветом лица — настоящая русская красавица» [5, с. 22].

А. Блок частенько провожал ее с курсов (от 10 линии, 33), оставаясь незамеченным. Этот маршрут он зашифровал в стихотворении «Пять изгибов сокровенных». Уже открыто Блок встречал Любовь после занятий на частных актерских курсах Марии Читау, что располагались в ее квартире на Гагаринской, 32. Тогда в 1901 году Блок тоже видел себя актёром, вторым Далматовым. Он тщательно брился, артикулировал слова, держался как франт. Любви Дмитриевне молодой Блок долго казался «фатом с рыбым темпераментом и глазами» [6, с. 47]. Начитанной курсистке интересней было общаться со студентами-технологами или с будущими инженерами из Горного института. Но Блока и Любовь соединил театр, точнее любительский спектакль в имении Менделеевых Боблово. Эти сцены из «Гамлета» потом выльются в блоковские стихи, в событие русской культуры. В приподнятой атмосфере, в ролях-масках — он датский принц, она Офелия — окончательно завязался их роман, ставший со временем не самым счастливым браком.

Долгие прогулки по Петербургу были свидетелями поворотов, коллизий в их духовной жизни. Любовь отдалась странной прелести их отношений — морозные поцелуи, разговоры, стихи. Любовь даже сравнивала блоковские строки с сочинениями А. Фета (он считался авторитетом). Тогда «начались соборы — сначала Казанский, потом и Исаакиевский» [6, с. 61]. Особенно Любовь и Александр любили сидеть вместе в сумраке Казанского храма. Посещать залы синематографа было, вероятно, не в их вкусе.

По договоренности, Блок снял для их встреч меблированную комнату на Серпуховской, 10. Покидая это убежище, Блок замуровал под полом «мистическую записку». Другую — «предсмертную записку» он носил в кармане пальто и отдал Любви, когда признался в любви на набережной Фонтанки. Невеста в свадебных хлопотах писала жениху, что чувствует себя его послушной Дианкой. «У Блока в Шахматове была собачка с такой кличкой» [7, с. 76]. Обручение состоялось в ве-

домственной церкви Петербургского университета, а венчались уже в Подмоскowie, но после свадебного обеда сразу возвратились в Петербург.

Семейные адреса Блоков были связаны с Петроградской стороной. Культовый ребенок Сашура настоял, чтобы его мать жила с ними. Это означало, что молодожены поселятся в Гренадерских казармах (ныне Петроградская наб., 44), в офицерской квартире отчима Блока — полковника Ф. Кублицкого. Гости, приходившие к Блокам, должны были миновать часового. Любовь, обученная рукоделию, коллекционирующая ткани, оклеила окна их спальни на первом этаже восковой бумагой с изображениями рыцаря и дамы. Обстановку дополняли бекетовская мебель, на которой когда-то сживали М. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский.

Саму Любовь Блок соратники, окружение поэта, объявили Прекрасной дамой. В символистской поэзии она представляла Офелией, Владычицей Вселенной. Отныне все ее наряды, прически, слова истолковывались в свете философских категорий. Даже в чертах «Скорбящей Мадонны» Дж. Б. Сальви (Сассоферрато), репродукция которой висела у них в спальне, Блок находил сходство с Любовью Дмитриевной.

Но обожествленная возлюбленная, дочь гениального отца, писала о себе: «Я северянка, а темперамент северянки — шампанское замороженное... Только не верьте спокойному холоду прозрачного бокала... К тому же по матери я казачка» [7, с. 83].

Игры в Прекрасную даму Любви Дмитриевне, живой, душевно здоровой, скоро наскучили. Умозрительная холодность мужа подталкивала ее то к Г. Чулкову, то к А. Белому. Мать, продолжавшая ревновать сына к невестке, вынудила супругов снять отдельное жилье на Лахтинской улице, 3 (1906). Этот уголок Петербурга был связан с именем легендарной Ксении Петербургской. Но квартира была демократически маленькой на последнем этаже, окна выходили в глубокий и узкий двор.

В 1910 г. Блоки опять станут жителями Петроградской стороны, въехав в дом № 9 на Малой Монетной улице. С балкона здесь открывался вид на Петербургские Елисейские поля, как называли модный Каменноостровский проспект — образчик северного модерна.

В 1907 г. Блоки поселяются на Галерной, 41. Четырехкомнатная квартира окнами во двор во втором этаже была обычным петербургским жилищем. Обстановка была скромной, хотя после получения отцовского наследства Любовь Дмитриевна купила «стулья красного дерева и книжный шкаф, понравившийся тем, что к его резной дверце словно прицепился трогательный обнаженный амурчик» [4, с. 212].

Адрес на Галерной был близок к Коломне, к Драматическому театру Веры Комиссаржевской на Офицерской улице. А. Блок тогда увлекался театром символизма. Вс. Мейерхольд ставил его «Балаганчик», «Незнакомку» — пьесы, выросшие из стихов. Его циклы «Снежная маска», «Кармен» посвящались актрисам.

Театр постоянно отнимал у Блока жену, которая искала себя как актриса, то воображая себя второй Айседорой Дункан, то финансировала актерские товарищества

во главе с режиссером Вс. Мейерхольдом. Конечно, она мечтала об Александринке или хотя бы о коллективе Л. Б. Яворской в Суворинском театре на Фонтанке, но служить приходилось в непрестижных антрепризах. Совсем последними были провинциальные вояжи в Оренбург, в Псков. Добавим, что Любовь Дмитриевна, играя в спектаклях, помогала шить костюмы, готовить реквизит.

С очередных гастролей 1908–1909 гг. она возвратилась беременной. Нежеланный ребенок Митя прожил 8 дней, но Блок был готов принять его как родного.

Концертными площадками Л. Блок в Петербурге были артистические театрики-клубы «Привал комедиантов», «Бродячая собака». Ее репертуаром были стихи А. Блока. «Любови Дмитриевне не суждено было окончательно отшлифовать свой талант, достигнуть настоящего мастерства, потому что она играла с перерывами», — свидетельствовала ее подруга, актриса В. П. Веригина. [8, с. 164]

Когда началась Первая мировая война, пацифист А. Блок не готов был ни к каким военным действиям. От их семьи воевал отчим, а сестрой милосердия, закончив специальные курсы, стала Любовь Дмитриевна.

Последний адрес (с 1912 г.) А. Блока, его жены, а затем и матери оказался на Офицерской улице (ныне Мемориальный музей А. А. Блока на улице Декабристов, 57). Коломна была многоликим районом. В гоголевские времена ее населяли отставные чиновники. Рядом с Театральной площадью жильцами квартир становились актеры, музыканты, театральные служащие. «В Петербурге, — писал О. Мандельштам, — есть еврейский квартал: он начинается как раз позади Мариинского театра... Там... синагога с коническими своими шапками и луковичными сферами, как пышная чужая смоковница, теряется среди... строений» [9, с. 361]. Жители Коломны ощущали близость моря, благодать Николы Морского, молились за узников Литовского тюремного замка.

Угловой дом Блоков смотрел окнами на Пряжку (речка с мутной водой в городском фольклоре ассоциировалась с Психиатрической больницей Святого Николая Чудотворца). Квартира под № 21 (с водопроводом, телефоном, ванной) находилась на последнем четвертом этаже.

Летом 1917 г. Любовь Дмитриевна, покинув Псковскую антрепризу, навсегда вернулась в Петроград. Наступали времена, когда им уже нельзя было разлучаться. После Октябрьских событий вместе с В. Маяковским, Вс. Мейерхольдом, К. Петровым-Водкиным, Н. Альтманом, Александр Блок пришел на известную встречу с наркомом А. Луначарским в Смольный. Когда Блок закончил поэму «Двенадцать», многие коллеги готовы были объявить ему бойкот. М. Пришвин называл его «большевиком из балаганчика». Но рядом с поэтом была Любовь Дмитриевна. Именно она в своей характерной площадной манере читала эту поэму о вздыбленном Петрограде в зале Тенишеского училища, в Мариинском театре.

Блок пытался, конечно, зарабатывать, где было можно. Он входил в директорию БДТ, председательствовал в репертуарной секции Наркомпроса, был главным редактором «Всемирной литературы», читал лекции по литературе в Петербургском университете. Но главной кормилицей в их семье являлась Любовь Дмитриевна. Из обеспеченной Прекрасной дамы она, пользуясь термином Нины Берберовой, превратилась в Железную женщину времен военного коммунизма.

Она продала свою коллекцию шалей, фарфора. За продовольственный паек Любовь Дмитриевна играла в Театре народной комедии у режиссера С. Радлова. Андрей Белый вспоминал: «От нее прежней ничего, решительно ничего не осталось. Ее узнать нельзя. Прекрасная дама, Дева радужных высот. Я ее на прошлой неделе встретил... Несет кошелку с картошкой. Ступает тяжело пудовыми ногами. И что-то в ней грубое, почти мужское появилось. Я распластался на стене дома, как будто сам себя распял, пропуская ее. Она взглянула на меня незрячим взглядом. И прошла. Не узнала меня. А я все глядел ей вслед...» [7, с. 340]. А. Белый словно забыл, что Любовь Дмитриевна страдала от болезни сердца.

После смерти мужа (1921) и свекрови (1923) Любовь Блок осталась совсем одна. Она работала корректором в Госиздате. Конечно, Любовь Дмитриевна занималась наследием поэта, подготовив к передаче в Пушкинский дом его архив.

Последнее десятилетие своей жизни Л. Блок посвятила балетному искусству. Она писала рецензии, балетные сценарии, разработала программу курса поддержки в классическом танце для Ленинградского хореографического училища. Параллельно Л. Блок писала труд, посвященный развитию балетной техники. В 1931 г. она даже просила влиятельного Вс. Мейерхольда помочь ей приобрести из-за границы несколько книг по вопросам балета.

Такой «неожиданный поворот Л. Д. Блок к истории балета на самом деле явился естественным продолжением ее театральных штудий, занятий танцем под руководством В. Преснякова. Он был связан с ее рано проснувшимся чувством телесной красоты, и с увлечением Дункан, интересом к системе Далькроза, к занятиям у Мейерхольда и Соловьева по основам сценического движения в Студии на Троицкой...» [10, с. 327]. Отстаивая специфику балетного театра, она исследовала обширный иконографический материал (гравюры, скульптуру, нотные репетиторы, костюмы). Сблизившись с А. Я. Вагановой, Любовь Дмитриевна оказала ей профессиональную помощь в создании ее учебника «Основы классического танца» (1934). К сожалению, начиная с четвертого переиздания вагановской книги, исчезло ее предисловие с благодарностью в адрес Л. Блок.

Любовь Дмитриевна опекала учениц А. Я. Вагановой — Галину Кириллову и особенно Талю Дудинскую. Последней она сама сшила бальное платье для выпускного вечера, подарила модную сумочку из крокодиловой кожи. Дудинская жила на той же улице Декабристов. Любовь Дмитриевна старалась почаще приглашать ее на обед. «Вся квартира, — вспоминала Н. Дудинская, — буквально утопала в цветах. Значительную часть комнаты занимал огромный письменный стол, на стене висел большой портрет Александра Блока» [11, с. 30].

В квартире на Пряжке Любовь Дмитриевна скончалась 27 сентября 1939 г. Это случилось на глазах ее близкой подруги, актрисы В. Веригиной. Мать и сестра Мария хлопотали о захоронении Любви Дмитриевны на семейном участке Менделеевых на «Литераторских мостках». Но телеграмма в Москву В. Молотову осталась без ответа.

Л. Д. Блок обрела покой на Волковом лютеранском кладбище. В годы блокады могилу никто не посещал. В 1944 г. кладбищенский сторож указал музейному хранителю Н. В. Успенскому это место.

Все возвращается на круги своя. Любовь Дмитриевна по праву покоится в национальном пантеоне рядом с мужем и родными людьми, составившими клан Бекетовых-Менделеевых, гордости России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Летопись жизни и деятельности Д. И. Менделеева. Л.: Наука, 1984. 531 с.
2. Кудрявцев А. И., Шкода Г. Н. Волковское православное кладбище и Некрополь-музей Литераторские мостки // Исторические кладбища Санкт-Петербурга. СПб.: изд-во Чернышева, 1993. 639 с.
3. Бекетова М. А. Воспоминания об Александре Блоке. М.: Правда, 1999. 670 с.
4. Линникова А. А. Там — в улице стоит какой-то дом // Вестник Академии Рус. балета им. А. Я. Вагановой. СПб. 2002. № 11. 276 с.
5. Тиме Е. И. Дороги искусства. М.: ВТО, 1967. 230 с.
6. Блок Л. Д. И были и небылицы о Блоке и о себе // Две любви, две судьбы: Воспоминания о Блоке и Белом. М.: Новое слово, 2000. 305 с.
7. Сеничев С. Ю. Александр и Любовь. М.: Вагриус, 2007. 398 с.
8. Веригина В. Памяти Л. Д. Менделеевой-Блок // Звезда. 1980. № 10. 164 с.
9. Мандельштам О. Э. Собр. соч.: в 4 т. М.: Сов. Писатель, 1993. Т. 2. 703 с.
10. Галанина Ю. Е. Л. Д. Блок: Судьба сцена. М.: Прогресс-Плеяда, 2009. 432 с.
11. Дудинская Н. М. Жизнь в искусстве. СПб.: изд-во Санкт-Петербург. Гуманитар. ун-та профсоюзов, 1999. 424 с.